BF
38
91.

Анатолію Петровичу Богданову, на память, отъ автора.

СОВРЕМЕННОЕ УЧЕНІЕ

О ЗАДАЧАХЪ и МЕТОДАХЪ

ПСИХОЛОГІИ.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ПЕРВОМЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

14 Марта, 1885 года,

ПРЕДСѢДАТЕЛЕМЪ ОБЩЕСТВА, ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ ФИЛОСОФІИ

М. М. ТРОИЦКИМЪ.

МОСКВА.

Типографія В. А. Гатцукъ, Никитскій бульваръ, собственный домъ.

2й-экз

BF 38 „Проз. 38"
БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
832
32

СОВРЕМЕННОЕ УЧЕНІЕ О ЗАДАЧАХЪ И МЕТОДАХЪ ПСИХОЛОГІИ.

Рѣчь профессора М. М. Троицкаго въ 1-мъ публичномъ засѣданіи Психологическаго Общества при Московскомъ университетѣ, 14 марта.

Въ послѣднія два столѣтія, когда науки физическія и математическія сдѣлали такіе огромные успѣхи, многіе ученые задавали вопросъ: почему не случилось того же съ психологіею? Въ отвѣтъ на это обыкновенно указывалась особенность предмета психологіи, т. е. *духа*. Писатели, защищавшіе приложеніе къ изслѣдованію духа тѣхъ самыхъ методовъ, которымъ столько обязаны своими успѣхами науки физическія, соглашались въ то же время, что эти методы должны быть приноровлены къ природѣ духа, или его отличіямъ отъ тѣла и матеріи, и что это приноровленіе представляетъ несомнѣнныя трудности.

Мы признаемъ вѣрность этого замѣчанія относительно главной причины замедляющей успѣхи психологіи; но мы думаемъ, что этимъ не исключается неблагопріятное имъ дѣйствіе и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ. Одно изъ нихъ, на которое, какъ намъ кажется, не обращалось до сихъ поръ достаточнаго вниманія, заключается въ обычной формѣ психологическаго труда. Фихте младшій замѣтилъ въ свое время относительно нѣмецкихъ философовъ, что «большая часть изъ нихъ, одиноко, подобно кротамъ, ко-

паютъ въ собственныхъ норахъ, и опасаются недоброй встрѣчи, прикасаясь къ подземнымъ ходамъ другихъ». Слова эти могли бы быть повторены относительно современныхъ психологовъ. Отсутствіе соединенныхъ усилій, характеризующее до сихъ поръ психологическія работы, не можетъ не препятствовать успѣхамъ психологіи. Къ этому заключенію мы приходимъ, разсматривая тѣ великія услуги, какія учеными обществами оказаны естествознанію; и въ этомъ убѣждаемся, обращая вниманіе на то разнообразіе,— можно сказать, разнородность спеціальныхъ знаній, какія необходимы для успѣшной разработки психологіи. Для этого требуются услуги описательной зоологіи, антропологіи, физіологіи и анатоміи человѣческаго тѣла, этнографіи, политической исторіи, лингвистики, исторіи литературы и искусствъ, психіатріи и многихъ другихъ наукъ. Соединеніе въ одномъ лицѣ спеціальныхъ знаній по стольким наукамъ, въ настоящее время, рѣшительно немыслимо. Единственнымъ выходомъ изъ затрудненія, создаваемаго такимъ положеніемъ дѣла, представлялось учрежденіе психологическаго общества изъ представителей всѣхъ нужныхъ для ея разработки спеціальностей. Вотъ настоящая причина появленія нашего Психологическаго Общества между другими обществами Москвы и Россіи, и вотъ почему учредителями его оказываются представители спеціальностей, принадлежащихъ всѣмъ факультетамъ. Привлеченіемъ въ свой составъ новыхъ членовъ, Общество надѣется развить намѣченную организацію своихъ ученыхъ работъ.

Такъ какъ раздѣленіе психологическихъ работъ между членами нашего Общества предрѣшено самымъ составомъ его, то главный предметъ, на который мы должны обратить наше вниманіе, заключается въ опредѣленіи взаимной связи этихъ работъ, ихъ точекъ соприкосновенія въ

общемъ дѣлѣ, и тѣхъ взаимныхъ услугъ, какія онѣ могутъ оказывать другъ другу въ преслѣдованіи различными путями той же цѣли. Взаимное отношеніе всѣхъ видовъ разработки предмета психологіи объясняется всего легче указаніемъ на задачи и методы этой науки. Поэтому я прошу позволенія, Мм. Гг., остановить ваше вниманіе на *современномъ ученіи о задачахъ и методахъ психологіи.*

Понятіе о *духѣ*, какъ предметѣ психологіи, получается черезъ отвлеченіе, съ одной стороны, отъ предмета наукъ физическихъ, т. е. матеріи или тѣла, съ которымъ онъ находится въ связи,—съ другой, отъ предмета наукъ соціальныхъ или политическихъ, т. е. отъ фактовъ общественности. Духъ—не общество, и не тѣло: духъ есть вся сумма *психическихъ* фактовъ, отличающихъ индивидуальное существованіе живыхъ произведеній природы.

Психическими фактами называются факты *сознанія*, или факты чувства, ума и воли, которые достигаютъ своего единства въ фактахъ личности.

Древніе весьма тонко отдѣляли психологію отъ наукъ соціальныхъ, называя ее ученіемъ о *способностяхъ* духа, или о душевныхъ, психическихъ способностяхъ. Но способности могутъ быть изучаемы только по ихъ обнаруженіямъ или явленіямъ. Психическія способности относятся къ психическимъ явленіямъ, какъ возможность къ дѣйствительности. Поэтому, изученіе первыхъ совпадаетъ съ изученіемъ послѣднихъ.

Далѣе, психическія способности не представляютъ безусловнаго постоянства: имъ свойственъ между прочимъ тотъ важный видъ измѣненій, который называютъ *возрастаніемъ, образованіемъ, развитіемъ*,—однимъ словомъ, *исторіею*. Поэтому, съ вопросомъ о психическихъ способностяхъ связывается вопросъ объ ихъ развитіи или генезисѣ,—иначе сказать, вопросъ о *естественной исторіи* души.

Наконецъ, образованіе психическихъ способностей находится въ тѣсной связи съ ихъ обнаруженіемъ,—иначе съ теченіемъ психическихъ явленій,—и оба процесса не чужды извѣстнаго постоянства. А это ведетъ къ вопросу объ управляющихъ ими *законахъ*.

Такимъ образомъ вопросы о духѣ, или о фактахъ сознанія, могутъ быть сведены, въ концѣ, къ тремъ вопросамъ: во-первыхъ, о количествѣ и свойствахъ психическихъ способностей, въ соотношеніи съ ихъ обнаруженіемъ, или явленіями; во-вторыхъ, объ образованіи тѣхъ же способностей; и въ третьихъ, о законахъ ихъ обнаруженія и образованія,—иначе сказать, о законахъ теченія и развитія психическихъ явленій. Таковы основныя задачи изученія духа.

Между всѣми методами разработки психологіи, наибольшій контрастъ представляютъ два: во-первыхъ, *метафизическій*, или гипотетическій; и во-вторыхъ, *положительный*, или научный.

Метафизическій методъ изученія духа опирается на предположенія относительно самой сущности вещей. Метафизическій взглядъ на сущность духа имѣетъ двѣ главныя формы: *спиритуализмъ* и *матеріализмъ*. Типическимъ представителемъ спиритуализма можетъ быть поставленъ *монадизмъ* Лейбница, или Гербарта. По ученію Лейбница, духъ не есть названіе психическихъ способностей живыхъ существъ, а есть особое существо, могущее жить въ тѣлѣ, но чуждое всякой тѣлесности, т. е. протяженности, дѣлимости. Выражаясь словами Лейбница, духъ есть нѣкоторая нематеріальная, но реальная единица,—*монада*, одаренная психическими способностями. Спиритуализму противоположенъ матеріализмъ. Послѣдній признаетъ психическія способности свойствами матеріи, т. е. протяженной, дѣлимой субстанціи, особенно въ тѣхъ ея формахъ

какія намъ представляютъ тѣла животныхъ. Матеріалистическій взглядъ на психическія способности и ихъ обнаруженія, со временъ французскаго ученаго Кабаниса, весьма распространенъ между физіологами и психіатрами. Основнымъ догматомъ современной матеріалистической доктрины служитъ признаніе *тожества* физіологическихъ функцій органовъ тѣла и фактовъ психическихъ, т. е. явленій сознанія.—Изъ этого видно, что спиритуализмъ и матеріализмъ, подобно другимъ метафизическимъ доктринамъ, не останавливаются на изученіи психическихъ способностей, по руководству психическихъ явленій и ихъ физическихъ сопровожденій, а рѣшаютъ вопросъ о самой субстанціи, которой принадлежатъ эти способности; и въ своихъ рѣшеніяхъ такъ расходятся между собою, что невольно наводятъ на мысль объ ихъ чисто гипотетическомъ характерѣ. И это дѣйствительно такъ. Философская критика, основанная Локкомъ, привела къ убѣжденію, что наши знанія о вещахъ ограничены одними *явленіями* ихъ; т. е., что сущность ихъ, какъ онѣ существуютъ сами въ себѣ,—или какъ субстанціальныхъ причинъ явленій, недоступна нашему знанію; и слѣдовательно, мнѣнія о субстанціяхъ психическихъ и физическихъ явленій будутъ всегда не только гипотезами, но притомъ еще такими, которыя выходятъ изъ круга научныхъ, какъ не подлежащія, по самой природѣ своихъ предметовъ, никакой повѣркѣ, т. е. ни оправданію, ни опроверженію, съ помощью строго-научныхъ методовъ. Единственное испытаніе, какому могутъ быть подвергнуты гипотезы спиритуализма и матеріализма, есть испытаніе ихъ «мыслимостью», способное открыть сравнительную степень ихъ логической состоятельности. И, на этотъ разъ, мнѣніе величайшихъ авторитетовъ по части логики—не на сторонѣ матеріализма. Бэнъ замѣчаетъ много разъ, что доктрина спиритуализма не заключаетъ въ себѣ никакого

внутренняго противорѣчія. Гербертъ Спенсеръ идетъ дальше. Опредѣливши различіе между фактомъ психическимъ и фактомъ физіологическимъ, Г. Спенсеръ прибавляетъ въ заключеніе: «Скажемъ однажды навсегда, что если бы намъ надо было выбирать одну изъ двухъ крайностей, т. е. или превратить явленія психическія въ явленія физическія, или, наоборотъ, физическія—въ психическія, то мы скорѣе согласились бы на послѣднее». «Легче обратить такъ-называемую матерію въ такъ-называемый духъ,—продолжаетъ онъ,—чѣмъ обратить духъ въ матерію; потому что послѣднее, въ дѣйствительности, совершенно невозможно». Но, повторяемъ, эта оцѣнка логической состоятельности спиритуализма и матеріализма не можетъ сопровождаться научною повѣркою ихъ объективной истинности. Поэтому, психологическая наука не можетъ быть ни спиритуалистическою, ни матеріалистическою. Поэтому же, Психологическое Общество, созданное съ цѣлью разработки психологической науки, должно исключить изъ круга своихъ обсужденій вопросы спиритуализма, матеріализма и всякой другой метафизики души,—какъ вопросы научно-нерѣшимые. Само собою разумѣется, что этимъ вовсе не дѣлается покушенія на метафизическую совѣсть членовъ Общества. Метафизическія гипотезы не чужды нѣкотораго теоретическаго значенія: онѣ могутъ содѣйствовать цѣльности психологическаго взгляда и постановкѣ психологическихъ вопросовъ; но, какъ выходящія изъ области научныхъ изслѣдованій, должны оставаться дѣломъ личнаго убѣжденія, не останавливая на себѣ вниманія нашихъ собраній. — Методъ нашихъ психологическихъ работъ долженъ быть не метафизическій, а *положительный*, или строго-научный.

Положительный методъ изученія духа состоитъ въ приложеніи къ психическимъ фактамъ всѣхъ средствъ

изслѣдованія, способныхъ приводить къ научнымъ результатамъ, т. е. къ достовѣрному знанію объ нихъ. Положительный методъ разработки психологіи представляетъ въ настоящее время цѣлую связную систему отдѣльныхъ методовъ, во главѣ которыхъ стоитъ *субъективное* изученіе духа, называемое также субъективнымъ *изслѣдованіемъ*, субъективнымъ *анализомъ*, и *психологическимъ анализомъ* по преимуществу. Субъективный методъ изученія духа противополагается *объективному:* первый есть изученіе психическихъ фактовъ изъ нихъ самихъ; второй—изъ ихъ тѣлесныхъ сопровожденій. Основой перваго служитъ прямое наблюденіе надъ фактами сознанія; основой втораго — умозаключенія объ этихъ фактахъ, по руководству ихъ физическихъ сопровожденій. На дѣлѣ, оба метода обыкновенно не отдѣлимы другъ отъ друга: и то или другое названіе усвояется имъ по перевѣсу того или другаго характера, субъективнаго или объективнаго.

Послѣднее замѣчаніе справедливо и относительно того, что называютъ субъективнымъ анализомъ духа. Изученіе духа изъ самого духа отнюдь не означаетъ изученіе каждымъ только своего собственнаго духа. Психологія есть *наука* о духѣ. Всякая наука имѣетъ своимъ предметомъ только общности; факты индивидуальные для нея служатъ простымъ матеріаломъ изученія или объясненія. Поэтому, субъективный анализъ духа есть изученіе его, по руководству наблюденій—не только надъ собою, но и надъ другими людьми. Всякое замѣчаніе изслѣдователя надъ собою, надъ своими психическими способностями, и порядкомъ ихъ обнаруженія и образованія, можетъ имѣть значеніе общаго факта только тогда, когда будетъ повѣрено на опытѣ другихъ. Органомъ наблюденія надъ другими, расширяющаго индивидуальный опытъ изслѣдователя, служитъ языкъ, рѣчь, словесность, лите-

ратура, и всякая общепринятая и общепонятная символика психическихъ фактовъ. Всякій принятый символъ есть произведеніе смѣшаннаго характера,—явленіе субъективно-объективное. Отсюда ясно, что такъ-называемый субъективный анализъ психическихъ фактовъ, будучи, въ первой стадіи своего развитія, методомъ *чисто субъективнымъ*, въ послѣдней становится методомъ *субъективно-объективнымъ*. Итакъ, *внутреннее* наблюденіе, *самонаблюденіе*, на которое опирается субъективный анализъ духа, не есть индивидуальный опытъ изслѣдователя, а есть общее наблюденіе всѣхъ людей надъ собою, надъ фактами сознанія, сличаемое и провѣряемое психологомъ въ своей общности.

Субъективный анализъ духа имѣетъ своихъ противниковъ въ лицѣ Конта и нѣкоторыхъ его послѣдователей. Контъ считалъ внутреннее наблюденіе невозможнымъ, по крайней мѣрѣ въ кругѣ умственныхъ явленій; поэтому, психологію онъ считалъ вѣтвію физіологіи, признавая методъ физіологическій, объективный, единственнымъ методомъ ея разработки. Мнѣніе Конта было основательно опровергнуто не только логически, особенно Д. С. Миллемъ и Г. Спенсеромъ,—но и самымъ фактомъ такого блестящаго и плодотворнаго субъективнаго анализа, какой представленъ въ трудахъ Александра Бэна и родственныхъ ему, по направленію, психологовъ Англіи и Франціи. Прямое наблюденіе надъ фактами сознанія будетъ всегда единственнымъ ключемъ къ нимъ, и достовѣрность его показаній на счетъ этихъ фактовъ никогда не можетъ быть превзойдена никакими другими показаніями. Физіологъ,—замѣчаетъ Льюисъ,—не могъ бы сдѣлать ни одного шага въ истолкованіи своихъ явленій, «если бы онъ не переводилъ ихъ постоянно на факты чувствованія. Безъ помощи внутренняго наблюденія, онъ не могъ бы ви-

дѣть ничего, кромѣ молекулярныхъ движеній въ нервныхъ процессахъ.» Такимъ образомъ, каковы бы ни были недостатки субъективнаго анализа, но очевидно, что это—первое условіе всякой положительной психологической работы.

Спрашивается: въ чемъ же состоитъ субъективный анализъ способностей духа и законовъ ихъ обнаруженія и образованія? Какіе пріемы изслѣдованія обнимаетъ онъ?

Методъ субъективнаго анализа не исключаетъ ни одного изъ извѣстныхъ пріемовъ научнаго изслѣдованія; въ составъ его входятъ и описанія, и наведенія, и дедукціи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на логическія условія научной классификаціи психическихъ способностей, или научной системы психическихъ фактовъ, получаемой съ помощью этого метода. Научная классификація психическихъ явленій должна выражать ихъ глубокія сходства и разницы: тѣ и другія открываются съ помощью анализа психическихъ фактовъ, обнаруживающаго ихъ составъ и ихъ послѣдніе субъективные элементы. Такимъ образомъ, научная классификація психическихъ способностей не исполнима безъ тонкаго умственнаго разложенія ихъ обнаруженій, или психическихъ явленій; а такое разложеніе послѣднихъ не осуществимо безъ наведеній и дедукцій, — т. е. безъ открытія нѣкоторыхъ неизмѣнныхъ порядковъ ихъ встрѣчи и преобразованія, — иначе, субъективныхъ законовъ духа. Справедливость этихъ разсужденій доказывается исторіею классификаціи психическихъ способностей въ новое время: научная система психическихъ фактовъ получила больше прочности и развитія только тогда, когда открытіе законовъ ассоціаціи положило начало ихъ дедуктивному объясненію.— Такимъ образомъ, безъ высшихъ пріемовъ научнаго изслѣдованія,—безъ наведеній и дедукцій, не исполнима самая первая задача субъективной психологіи,—

т. е. установленіе научной классификаціи психическихъ способностей. Поэтому несправедливо мнѣніе тѣхъ, которые результаты субъективнаго анализа считаютъ чисто эмпирическими: чистая эмпирія не устанавливаетъ законовъ и не объясняетъ изъ законовъ. Субъективный анализъ имѣетъ всѣ достоинства положительнаго метода, не смотря на то, что составляетъ только одинъ изъ его видовъ въ приложеніи къ изслѣдованію духа.

Второй видъ положительнаго психологическаго метода состоитъ въ *объективномъ* анализѣ психическихъ фактовъ, т. е. въ изученіи ихъ изъ ихъ тѣлесныхъ или физическихъ сопровожденій. Если бы между психическими фактами и ихъ тѣлесными сопровожденіями существовала постоянная связь, то послѣднія могли бы служить вѣрными признаками первыхъ, и такимъ образомъ дать косвенное орудіе къ ихъ изученію. Между тѣмъ связь эта не подлежитъ сомнѣнію, и прежде всего, связь психическихъ фактовъ съ физіологическими функціями органовъ тѣла.

Изученіе связи духа съ функціями органовъ тѣла составляло спеціальный предметъ многихъ изслѣдователей духа. Самымъ авторитетнымъ между ними является Бэнъ, съ своими выводами относительно этого предмета. «Вся тѣлесная система,—говоритъ Бэнъ,—хотя не въ одинаковой степени, тѣсно связана съ духовными явленіями». Какъ на самое наглядное доказательство связи духа съ функціями тѣла, Бэнъ указываетъ на естественный языкъ, или выраженіе чувствъ; для живописца, скульптора, поэта, каждое чувство имѣетъ свойственное ему выраженіе.—Вторымъ доказательствомъ тѣсной связи между духомъ и тѣломъ служатъ, для Бэна, вліянія перемѣнъ въ тѣлѣ на состоянія духа, и состояній духа на перемѣны въ тѣлѣ. Тѣлесное страданіе часто бываетъ причиною радикальнаго измѣненія нравственнаго характера. Память усиливается и

слабѣетъ, смотря по состоянію тѣла. Съ другой стороны, внезапно возникающія волненія разстраиваютъ тѣлесныя функціи. Органъ тѣла, наиболѣе тѣсно связанный съ духомъ, есть мозгъ. «Факты, указывающіе на связь духа и мозга,—говоритъ Бэнъ,—многочисленны и неопровержимы». Работа мозга необходима для мысли, чувства и воли.—Теперь спрашивается: что-же эта за связь между духомъ и тѣломъ, между психическими явленіями и физіологическими фактами?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается всего легче, когда мы имѣемъ въ виду тѣ послѣдніе термины, въ которыхъ выражаются явленія духа и функціи тѣла. Явленія духа, это—факты сознанія, болѣе или менѣе яснаго или темнаго, пассивнаго или дѣятельнаго. Льюисъ не принимаетъ этого обобщенія, отличая отъ сознанія чувствованіе (sentience), какъ психическій фактъ, которому не чужда и безсознательность. Это раздѣленіе,—отголосокъ шотландскаго ученія о сознаніи, перенесеннаго Кантомъ и въ нѣмецкую психологію,—совсѣмъ не выдерживаетъ критики съ точки зрѣнія новѣйшаго психологическаго анализа, не признающаго сознанія сопровожденіемъ нашихъ чувствъ, а напротивъ полагающаго его именно только въ чувствахъ и ихъ воспроизведеніяхъ, т. е. идеяхъ. Безсознательное чувство есть тоже что безсознательное сознаніе,—т. е. скрытое противорѣчіе въ самыхъ словахъ. Безсознательные психическіе факты суть популярное выраженіе фактовъ слабаго или неяснаго сознанія: безсознательны въ строгомъ смыслѣ только процессы физическіе, къ которымъ принадлежатъ и факты физіологическіе. Послѣдніе сводятся къ другому общему термину, именно *движенію*,—молярному и молекулярному. Такимъ образомъ, вопросъ о связи духа и функцій органовъ тѣла есть собственно вопросъ о связи фактовъ сознанія и движеній. Допускающіе гипотезу без-

сознательныхъ психическихъ фактовъ, молчаливо признаютъ, что факты сознанія и факты движеній не подлежатъ отожествленію. «Никакой сравнительный анализъ,—говоритъ Лётце,—не позволитъ намъ открыть въ химическомъ составѣ нерва, въ напряженіи, расположеніи и подвижности его мельчайшихъ частицъ,—причину, по которой звуковая волна, дошедшая до этого нерва, производила бы въ немъ, кромѣ колебанія того-же свойства, еще сознаніе или ощущеніе звука. Мы можемъ изслѣдовать раздраженіе по всей длинѣ нерва, можемъ вызывать въ немъ тысячу разъ измѣненія формы и превращеніе въ движенія болѣе и болѣе тонкія и деликатныя; но мы никогда не придемъ къ доказательству того, чтобы движеніе, произведенное такимъ образомъ, могло перестать существовать въ формѣ движенія, и возродиться подъ формою ощущенія свѣтоваго, слуховаго или вкусоваго. Всегда останется одинаковая пропасть между послѣднимъ состояніемъ матеріальныхъ элементовъ, какое позволяютъ намъ подмѣтить наши средства, и первымъ появленіемъ ощущенія». Такимъ образомъ, при оцѣнкѣ связи между явленіями психическими и физіологическими, мы должны устранить мысль объ ихъ тожествѣ; а это, при доказанной связи тѣхъ и другихъ, приводитъ, въ концѣ, къ одному заключенію, именно къ утвержденію ихъ неизмѣннаго *сопутствія* другъ другу.

Ученіе о сопутствіи психическихъ и физіологическихъ явленій, какъ собственной формѣ ихъ связи, было высказано съ особенною силою Броуномъ и усвоено Д. Стюартомъ Миллемъ. Оба они не задумывались переносить на это сопутствіе характеръ причинной связи, такъ какъ въ послѣдней не видѣли ничего кромѣ безусловно-постояннаго отношенія преемства. Когда Бэнъ внесъ въ логическую теорію причинной связи новую характеристику

послѣдней, въ смыслѣ перенесенія и превращенія силы, или въ смыслѣ такъ-называемаго соотношенія физическихъ силъ, тогда потребовалось опредѣлить отношеніе силы психической къ другимъ силамъ природы. Нѣкоторые писатели не колебались ввести первую въ кругъ послѣднихъ; такъ что психическіе факты являлись для нихъ простымъ преобразованіемъ фактовъ физіологическихъ, т. е. нѣкоторыхъ молекулярныхъ движеній въ нервной системѣ и мозгѣ. Это уже выходило изъ указанныхъ выше границъ научнаго психологическаго изслѣдованія. Бэнъ, вводя въ логику новую теорію причинности, не нашелъ возможнымъ распространить ее на отношеніе физическихъ и психическихъ фактовъ, и въ связь духа и тѣла ввести что нибудь иное, кромѣ ихъ сопутствія другъ другу. Но это сопутствіе получило у него такое опредѣленіе, далѣе котораго не пошла современная наука. Бэнъ приходитъ къ своимъ выводамъ по этому предмету слѣдующимъ образомъ.

Два метода, которыми опредѣляется причинная связь, опираются, по ученію Бэна, на два факта: во-первыхъ, тотъ, что за наступленіемъ причины слѣдуетъ наступленіе дѣйствія; и во-вторыхъ, тотъ, что отсутствіе причины ведетъ за собою отсутствіе слѣдствія. Бэнъ доказываетъ, что методъ *удаленія* причины не приложимъ къ рѣшенію такого вопроса, какъ связь между духомъ и тѣломъ. «Мы не можемъ,—говоритъ онъ,—разложить человѣка на тѣло и духъ. Мы не можемъ удалить духъ, чтобы посмотрѣть, исчезнетъ-ли тѣло. Мы можемъ уничтожить тѣло, но не можемъ сказать, исчезаетъ-ли при этомъ духъ,—или нѣтъ; ибо тѣмъ самымъ мы удаляемъ показатель духа, т. е. тѣлесныя его проявленія». Такимъ-же образомъ и методъ *отсутствія* причины не приложимъ къ главному органу психической дѣятельности, т. е. къ мозгу. «Удаленіе мозга, правда, ведетъ за собою прекращеніе явленій духа; но, за

исключеніемъ самыхъ низшихъ организмовъ, оно ведетъ за собою прекращеніе и тѣлесной жизни.» Только удаленіе мозга по частямъ можетъ вести къ вѣроятнымъ заключеніямъ относительно результатовъ его совершеннаго удаленія.—Но *методъ сопутствія,* или *соотвѣтствія* (concomitance or correspondence) вполнѣ приложимъ къ этому предмету,—замѣчаетъ Бэнъ. Методъ сопутствующихъ измѣненій не позволяетъ, однако, переносить на сопутствіе психическихъ и физическихъ явленій—характеръ причинной связи,—какъ это дѣлали Броунъ или Милль,—и даже отстаивать такое сопутствіе въ формѣ преемства или послѣдовательности. Все что позволяетъ установить этотъ методъ, сводится къ доказательствамъ той тѣсной связи *сосуществованія,* при которой одни факты становятся точными показателями другихъ, или находятся въ отношеніи количественной *эквиваленціи.* Такимъ образомъ, *психологическій* фактъ долженъ быть разсматриваемъ какъ «двусторонній», т. е. психическій и физическій въ одно и то же время;—не въ смыслѣ тожества обоихъ фактовъ, а въ смыслѣ *соединенія* этихъ разнородныхъ явленій въ одномъ фактѣ сосуществованія. Идея, разсматриваемая отрѣшенно отъ своего физіологическаго сопровожденія, можетъ вмѣстѣ съ другою идеею оказаться, для нашего внутренняго наблюденія, въ составѣ третьей. Такъ идея *золота* и идея *горы* находятся въ составѣ идеи *золотой горы.* Это—внутреннія связи цѣльнаго психологическаго факта,—идеи *золотой горы;* т. е. субъективныя связи трехъ психическихъ фактовъ,—субъективная или внутренняя зависимость сложной идеи *золотой горы* отъ простыхъ идей *золота* и *горы.* Но цѣльный психологическій фактъ идеи *золотой горы* заключаетъ въ себѣ еще физіологическія сопровожденія этой идеи, въ которыхъ могутъ оказаться, съ нѣкоторымъ преобразованіемъ, простѣйшія физіологическія явленія, сопро-

вождающія идею *золота* и идею *горы*. Это были бы внѣшнія связи того же психологическаго факта,—связи физическихъ сопровожденій идеи *золотой горы*. — Мы свободно двигаемся въ той и другой сторонѣ цѣльнаго факта психологіи, изучая его то съ субъективной, то съ объективной точки зрѣнія; но связь его обѣихъ сторонъ не имѣетъ для насъ другаго выраженія, кромѣ *сопутствія* и *эквиваленціи*.

Отношеніе *количественнаго* соотвѣтствія или *эквиваленціи* психическихъ и физическихъ явленій Бэнъ доказываетъ многочисленными фактами субъективной психологіи и физіологіи. Замѣчательный примѣръ такого соотвѣтствія представляетъ совпаденіе по отношенію ко времени. «Мы имѣемъ,—говоритъ Бэнъ,—съ одной стороны физіологическую очевидность, что нервная сила занимаетъ своимъ проявленіемъ нѣкоторое время, а, съ другой стороны, очевидность психическую, что эквивалентное время бываетъ занято ощущеніемъ, мыслью и хотѣньемъ». Такимъ образомъ въ области ощущеній мы встрѣчаемъ эквиваленты физическихъ стимуловъ или раздраженій. «Есть,—говоритъ Бэнъ,—нѣкоторый чувственный (sensational) *эквивалентъ* тепла, пищи, упражненія мускуловъ, звука, свѣта; есть опредѣленная перемѣна чувства, однообразное возрастаніе удовольствія и страданія, соотвѣтствующее возвышенію температуры на 10, на 20 или на 30 градусовъ. Точно также, соотвѣтственно каждой группѣ обстоятельствъ, есть чувственный эквивалентъ алкоголя, запаховъ, музыки, спектакля». Разница между острыми, и массивными или широкими ощущеніями и волненіями имѣетъ свои соотвѣтствія въ острыхъ и массивныхъ раздраженіяхъ, периферическихъ и эксцентральныхъ.

Бэнъ не останавливается на эквиваленціи психическихъ и физическихъ фактовъ, но распространяетъ ее на самые

законы психическихъ явленій, съ точки зрѣнія субъективнаго анализа: законъ относительности, законы ассоціаціи, законъ самосохраненія и т. д. Эти законы духа, устанавливаемые субъективною психологіею, имѣютъ свои физическіе эквиваленты въ физіологическихъ фактахъ и ихъ порядкахъ.

Если фактъ психологическій не есть только психическій, но психическій и физіологическій вмѣстѣ, то, очевидно, что психологія, разрабатываемая во всей полнотѣ, не можетъ ограничиваться однимъ субъективнымъ анализомъ психическихъ фактовъ; или, что психологія, оставаясь наукою о духѣ, должна изучать его не только, какъ онъ есть самъ въ себѣ, для нашего непосредственнаго наблюденія надъ нимъ, но и въ связи съ его физіологическими сопровожденіями, или съ функціями органовъ тѣла, особенно нервной системы и мозга.

Связь духа съ тѣломъ не ограничивается связью психическихъ фактовъ съ функціями органовъ тѣла, а простирается на самые органы тѣла, т. е. ихъ анатомическое строеніе. Это—неизбѣжное послѣдствіе отношенія функцій органовъ къ самымъ органамъ. Если функціи органовъ находятся въ зависимости отъ ихъ анатомическаго строенія и расположенія; если онѣ могутъ быть разсматриваемы какъ молекулярныя измѣненія вещества послѣднихъ, и слѣдовательно находятся съ ними въ полной корреляціи, какъ проявленія нѣкоторыхъ потенцій свойственныхъ веществу органовъ животнаго тѣла: то очевидно, что психическіе факты, имѣющіе свои эквиваленты въ физіологическихъ фактахъ, должны, вслѣдствіе этого, по тѣсной связи послѣднихъ съ фактами анатоміи, имѣть нѣкоторые эквиваленты анатомическіе. Доказательства количественнаго соотвѣтствія фактовъ психическихъ фактамъ анатоміи безчисленны; и вниманіе Бэна обращено столько же на экви-

БИ... КОММУ... АКАДЕ...

валенціи анатомическія, какъ и физіологическія. Первое великое соотвѣтствіе этого рода, на которомъ останавливается Бэнъ, есть «съ одной стороны, разнообразіе и многочисленность нашихъ психическихъ актовъ, а съ другой, многочисленность нервныхъ элементовъ», т. е. нервныхъ волоконъ и клѣтокъ,—насчитываемыхъ милліонами въ человѣческомъ тѣлѣ. «Какъ ни велико число и разнообразіе нашихъ духовныхъ состояній, говоритъ Бэнъ, но наша нервная система, при своемъ громадномъ объемѣ и своей сложности, повидимому, отнюдь не уступаетъ имъ въ этомъ отношеніи». Обширныя статистическія сравненія привели къ заключенію, что большое умственное превосходство сопровождается болѣе чѣмъ обыкновеннымъ объемомъ и вѣсомъ мозга. Въ органахъ болѣе умственныхъ внѣшнихъ чувствъ,—зрѣнія, слуха и осязанія,—«нервныя волокна имѣютъ свои охраняющія и изолирующія оболочки, соотвѣтственно ясности и раздѣльности отдѣльныхъ частей впечатлѣнія; между тѣмъ какъ въ органѣ обонянія, нервы составляютъ сплетеніе не покрытыхъ оболочками волоконъ,—что соотвѣтствуетъ сліянію обонятельнаго впечатлѣнія въ одно цѣлое, безъ раздѣленія частей». Темный пигментъ глаза, видимый сквозь зрачекъ, какъ темнокоричневая тѣнь, есть существенная принадлежность хорошаго зрѣнія. Албиносы и животныя бѣлаго цвѣта уступаютъ въ зрѣніи и обоняніи темноцвѣтнымъ. Послѣдній примѣръ даетъ поводъ къ замѣчанію Бэна, проливающему свѣтъ на всю важность изученія психическихъ и анатомическихъ эквиваленцій. Припомнимъ, изъ сказаннаго раньше, что психическія явленія представляютъ сложности, образованныя изъ нѣкоторыхъ простыхъ элементовъ, каковы, въ концѣ, наши внѣшнія ощущенія. Поэтому, опредѣленіе характера ощущеній, путемъ анатомическихъ эквиваленцій, въ отдѣльномъ лицѣ, можетъ

сообщить данныя для опредѣленія характера того же лица въ его высшихъ психическихъ актахъ, въ явленіяхъ его ума, волненій, воли, потому что свойства элементарныхъ состояній могутъ отражаться на состояніяхъ сложныхъ. «Ничтожная разница въ пигментѣ органа какого нибудь чувства,—говоритъ Бэнъ,—сопровождающаяся большею впечатлительностью этого чувства, можетъ опредѣлить предпочтенія животнаго, вкусы и родъ дѣятельности,—другими словами, всю его судьбу. Въ человѣкѣ, обстоятельство тонкой впечатлительности одного или двухъ главныхъ чувствъ можетъ заправлять всѣмъ его характеромъ умственнымъ и нравственнымъ.—Между всѣми вопросами касательно связи психическихъ и анатомическихъ фактовъ, величайшимъ остается вопросъ, поднятый френологами,—Галлемъ и его послѣдователями,—относительно *локализаціи* психическихъ способностей въ отдѣльныхъ частяхъ нервной системы и ея главнаго органа, головнаго мозга. Труды френологовъ оказались несостоятельными передъ истинами субъективнаго анализа и повѣркою на опытѣ принятыхъ ими теорій; но самый вопросъ относительно локализаціи психическихъ способностей, т. е. объ ихъ анатомическихъ эквивалентахъ, очевидно, остается открытымъ, и имѣетъ въ свою защиту много извѣстныхъ фактовъ. Таковъ, напр., фактъ сосуществованія способности зрительныхъ идей съ оптическими центрами. Труды Грасьёле, Брока, Томмази, Фрича, Ферье и другихъ, даютъ много основаній думать, что тѣ или другіе анатомическіе эквиваленты психическихъ способностей будутъ со временемъ найдены,—и могутъ, косвенно, пролить нѣкоторый свѣтъ на исторію ихъ образованія.

Изъ этого видно, что полная разработка науки о духѣ не можетъ состояться безъ помощи не только физіологіи, но и анатоміи.—Оканчивая наши замѣчанія относительно

изученія психическихъ фактовъ въ ихъ связи съ фактами тѣлеснаго существованія, не забудемъ, что собственнымъ методомъ этого изученія остается одинъ и тотъ же,— методъ сопутствующихъ измѣненій. Физіологія и анатомія здороваго тѣла указываютъ собственно одинъ классъ такихъ измѣненій, наблюдаемыхъ въ здоровомъ животномъ. Между тѣмъ, есть другой классъ измѣненій, составляющій предметъ параллельныхъ изученій,—патологіи, патологической анатоміи, психіатріи, ученія о сомнамбулизмѣ и нѣкоторыхъ другихъ доктринъ, относительно болѣзненныхъ измѣненій строенія и функцій организма. Такія измѣненія должны имѣть свои психическіе эквиваленты въ разстройствахъ чувствъ, ума, воли и личности человѣка,— разстройствахъ, сближаемыхъ нѣкоторыми писателями съ явленіями *сна*, или съ предметомъ гипнологіи. Болѣзненныя физическія сопровожденія разстроенныхъ психическихъ явленій, равно какъ и тѣ глубокія уклоненія отъ нормы бодрственной жизни человѣка, какія мы находимъ въ сновидѣніяхъ, представляютъ, въ одно и то же время, и средства для повѣрки заключеній физіологіи и анатоміи здороваго тѣла, и цѣлое поле новыхъ фактовъ, способныхъ освѣтить мельчайшія подробности психическихъ и физическихъ эквиваленцій.

Выше было замѣчено, что изученіе органическихъ сопровожденій психическихъ фактовъ можетъ пролить свой свѣтъ на генезисъ психическихъ способностей. Не слѣдуетъ преувеличивать этого ожиданія. Субъективный анализъ психическихъ способностей, подкрѣпленный данными физіологіи и анатоміи, можетъ вести къ рѣшенію вопроса только о развитіи современнаго человѣка, современной личности, не проливая никакого свѣта на развитіе личности въ исторіи человѣка. Субъективный анализъ, какъ произведеніе внутренняго наблюденія, слагающагося перво-

начально изъ личныхъ опытовъ изслѣдователя, остается всегда обработкою данныхъ индивидуальнаго психическаго развитія, ограниченнаго ничтожнымъ періодомъ времени, въ исторіи человѣчества и человѣческаго общества. При этомъ такой анализъ, хотя бы его результаты выражались въ общихъ терминахъ, будетъ всегда собственно психологіею *человѣка*, и долженъ искать поддержки также въ данныхъ физіологіи человѣка и анатоміи человѣческаго тѣла, ограниченныхъ современностью изслѣдователей. Такимъ образомъ, пока мы будемъ изслѣдовать факты своего личнаго психическаго существованія и останавливаться на психическихъ способностяхъ, свойственныхъ образованному человѣку нашего времени, и притомъ въ средѣ такъ-называемыхъ цивилизованныхъ народовъ, мы будемъ далеки отъ рѣшенія вопроса о томъ: насколько психическія способности, наблюдаемыя при этихъ условіяхъ, принадлежали человѣку раньше? Есть ли въ этомъ отношеніи разница между человѣкомъ цивилизованнымъ и дикимъ?

Отвѣтъ на это можетъ дать только исторія человѣка, разрабатываемая нынѣ подъ именемъ исторіи его культуры или цивилизаціи. Труды Лёббока, Тэйлора могутъ служить образцомъ работъ этого рода. Изученіе культуры дикихъ или первобытныхъ народовъ, сравнительно съ народами культурными, привело ко многимъ открытіямъ, имѣющимъ величайшую важность для рѣшенія основныхъ психологическихъ вопросовъ,—а именно, о системѣ психическихъ способностей человѣка, ихъ генезисѣ и его законахъ. Это изученіе позволяетъ принять за фактъ, что высшія психическія способности человѣка,—его ума, чувствъ, воли, личности,—могли образоваться только съ успѣхами культуры человѣческихъ обществъ;—что общественность и ея прогрессъ обусловливали собою то высокое развитіе личности, какое мы находимъ въ современномъ образованномъ человѣкѣ.

Доказательства *историческаго* развитія высшихъ способностей человѣка опираются на результаты сравнительнаго изученія первобытной и исторической культуры, и разницъ послѣдней у древнихъ и новыхъ народовъ. По опредѣленію Тэйлора, «культура или цивилизація, взятая въ своемъ широкомъ этнографическомъ смыслѣ, есть то сложное цѣлое, что обнимаетъ знаніе, вѣрованіе, искусство, нравственность, право, обычай и всѣ другія способности и навыки, пріобрѣтаемые человѣкомъ, какъ членомъ общества». Сравнивая явленія культуры у народовъ дикихъ и высокоцивилизованныхъ, мы открываемъ факты, позволяющіе судить о разницѣ психическихъ силъ на различныхъ ступеняхъ культуры. Летурно, въ своемъ опытѣ соціологіи, такъ характеризуетъ психическую развитость людей на крайнихъ ступеняхъ культуры: «Въ духовной жизни низшаго человѣка господствуютъ аппетиты пищи, заглушая своимъ ревомъ всѣ другіе». Чувства людей къ женѣ и дѣтямъ не развиты. Первобытный человѣкъ живетъ только настоящимъ: такъ слабы его память, его воображеніе, его способность сочетанія идей. Непостоянство, непредусмотрительность, недостатокъ вниманія,—таковы психическія черты всѣхъ низшихъ человѣческихъ племенъ. Какой контрастъ этого человѣка съ человѣкомъ культурнымъ, съ его властью надъ своими аппетитами, съ его развитыми чувствами живописца, скульптора, музыканта; съ чувствами любви простирающейся не только на жену и дѣтей, но и на родныхъ, друзей, согражданъ, иногда на все человѣчество; съ понятіями долга и права; съ научною наблюдательностью и способностью научныхъ наведеній и дедукцій!—Описанныя крайности психической развитости указываютъ на промежуточныя ступени. Между самою низшею ступенью развитія, какова у Тасманійца, и высочайшею, какъ у Шекспира, существуютъ, по замѣчанію Д. Г. Льюиса,

«безконечныя градаціи».—Говоря о развитіи высшихъ психическихъ силъ человѣка съ успѣхами его культуры, хотятъ сказать, что самый дикій человѣкъ надѣленъ способностями ума, чувствъ и воли; но эти способности далеко не такъ возвышаются надъ соотвѣтственными свойствами животныхъ, какъ онѣ возвышены у людей цивилизованныхъ. Послѣдній изъ названныхъ нами писателей настаиваетъ даже на томъ, что умственныя способности древнихъ цивилизованныхъ людей далеко уступали такимъ же способностямъ новыхъ. «Трактатъ объ алгебрѣ,—говоритъ Льюисъ,—который теперь одолѣетъ каждый школьникъ, показался бы Пифагору и Гиппарху свиткомъ чародѣя. Аристотель, при всемъ своемъ знаніи и геніальности, оказался бы ребенкомъ въ лабораторіи Либиха». «Въ поэзіи Гёте и Вордсворта есть гармоніи, какъ ритмическія такъ и нравственныя, которыя показались бы Софоклу или Данте диссонансомъ или темными загадками. Фуга Баха или симфонія Бетговена произвела бы на Перикла впечатлѣніе безумнаго хаоса. Въ развитіи промышленности и механическихъ искусствъ, духъ не только пріобрѣлъ новыя силы, но и способности равняющіяся новымъ чувствамъ», сравнительно съ духомъ древнихъ грековъ.—Общій выводъ изъ этихъ фактовъ культуры человѣка,—исторической, первобытной, — у дикихъ народовъ,—и доисторической, открываемой доисторическою археологіею,—тотъ, что высшія явленія психическаго порядка и высшія психическія способности, суть медленное произведеніе общественной культуры человѣка. Льюисъ направляетъ этотъ выводъ противъ тѣхъ физіологовъ, которые хотѣли бы ограничить разработку психологіи одними рессурсами физіологіи и анатоміи, съ прибавкою, въ той или другой мѣрѣ, субъективнаго анализа. Не принимая въ разсчетъ соціальнаго фактора типическихъ явленій, мы никогда, по его мнѣнію,

не проникнемъ «въ самое существо духа». Только исторія культуры «показываетъ намъ, какимъ образомъ человѣческій духъ, изъ трехструнной лиры, съ которой можно сравнить его на зарѣ цивилизаціи, съ успѣхами образованія превратился въ семиструнную». «Разумъ (intellect) и совѣсть суть функціи соціальныя; и ихъ спеціальныя обнаруженія строго опредѣляются соціальною статикою, т. е. состояніемъ общественнаго организма въ данное время,—которое въ свою очередь опредѣляется ими. Языкъ, на которомъ мы думаемъ, и понятія, которыми мы пользуемся, складъ нашего духа и средства изслѣдованія,—все это общественные продукты, опредѣленные вліяніями коллективной мысли... Мы дышемъ соціальнымъ воздухомъ; такъ какъ то, что мы думаемъ, въ значительной степени зависитъ отъ того, что думали другіе».

Не останавливаясь на общемъ выводѣ относительно значенія культуры для развитія человѣческаго духа, многіе изслѣдователи предлагаютъ вопросъ о томъ, что составляло первое условіе всего прогресса человѣка. Большинство изъ нихъ склоняется къ тому мнѣнію, что этимъ conditio sine qua non человѣческаго прогресса, этимъ главнымъ средствомъ успѣховъ общественности, былъ языкъ, взятый въ самомъ широкомъ смыслѣ орудія сообщенія одного человѣка съ другимъ, и особенно членораздѣльная рѣчь человѣка. Почти всѣ изслѣдователи приходятъ къ тому выводу, что безъ помощи языка не возможны высшія умственныя операціи; и многіе, съ большою тонкостью, доказывали, что всѣ другіе успѣхи развитія общественности и человѣческаго духа, находятся въ зависимости отъ умственной развитости человѣка. Съ этой точки зрѣнія, языкъ является своего рода ключемъ къ разгадкѣ всей исторіи культуры человѣка, и слѣдовательно, косвенно, исторіи развитія его психическихъ способностей.

Взглядъ этотъ весьма энергично выраженъ авторомъ «Физіологіи мысли», — изслѣдованія, помѣщеннаго въ Fortnightly Review за 1869 г. «Человѣкъ,—говоритъ онъ,—какъ существо одаренное разумомъ, находится въ такой зависимости отъ употребляемаго имъ языка, которая не поддается достаточной оцѣнкѣ. Въ силу именно языка, онъ приходитъ къ такому искусному и совершенному исполненію большей части сложныхъ духовныхъ процессовъ, и если, пытаясь набросить мостъ надъ широкою пропастью, умственною и нравственною, отдѣляющею человѣка отъ низшихъ животныхъ наиболѣе совершеннаго порядка, мы указываемъ на то, что онъ обладаетъ способностью говорить и пользоваться членораздѣльнымъ языкомъ, то, вѣроятно, мы касаемся при этомъ той способности, которая, безконечно болѣе, чѣмъ всѣ другія, имѣла дѣло съ постепеннымъ прогрессомъ, повидимому осуществившимся въ отдаленныхъ вѣкахъ,—прогрессомъ, который позволилъ нѣкоторымъ человѣческимъ расамъ пройти многія ступени цивилизаціи, отдѣляющія людей, жившихъ въ состояніи дикости, отъ тѣхъ, которые нынѣ составляютъ цвѣтъ европейской цивилизаціи».

Такимъ образомъ, наука о духѣ связывается съ исторіею культуры, и еще тѣснѣе съ лингвистикою. Очевидно, что субъективный анализъ, во всей *спеціальной* психологіи человѣка, можетъ давать только одну программу психологическихъ работъ, которая должна быть, и можетъ быть исполнена только съ помощью исторіи человѣка. Историки, ожидающіе отъ психологіи данныхъ для разъясненія своего предмета, очень часто забываютъ, что психологія еще раньше нуждается въ услугахъ исторіи, для разработки своего собственнаго предмета; что, такимъ образомъ, обѣ науки находятся въ отношеніи взаимной зависимости, по способамъ ихъ обработки. Объемъ способностей цивили-

зованнаго человѣка опредѣляется простымъ субъективнымъ анализомъ; но тотъ minimum ихъ, которымъ владѣетъ человѣкъ на ступени первобытной, и владѣлъ на ступени доисторической, не подлежитъ опредѣленію субъективнаго анализа. Образованіе духа, возрастаніе его способностей вполнѣ доступно субъективному анализу только въ самомъ общемъ очеркѣ, не отдѣляющемъ человѣка отъ животнаго; въ остальномъ онъ даетъ построенія, которыя могутъ получить значеніе научныхъ истинъ, только послѣ оправданія ихъ при помощи данныхъ исторіи. Тоже самое прилагается и къ тѣмъ спеціальнымъ законамъ, которые управляютъ историческимъ генезисомъ духа, открывающимся въ прогрессѣ его идей, вѣрованій, чувствъ, нравовъ, права, науки. «Законы умственнаго прогресса, говоритъ Льюисъ, читаются въ исторіи, а не въ опытѣ индивидуальномъ,» составляющемъ фундаментъ субъективной психологіи. То же прилагается къ законамъ прогресса и другихъ психическихъ силъ. И если относительно первоначальнаго образованія психическихъ способностей, такъ мало можетъ говорить субъективная психологія человѣка: то еще менѣе можетъ сказать объ этомъ физіологія человѣка и анатомія человѣческаго тѣла. Всѣ показанія ихъ, какъ и показанія субъективнаго анализа, могутъ относиться только къ воспроизведенію психическихъ способностей въ современномъ человѣкѣ; но и эти показанія, ни въ какомъ отношеніи, не могутъ быть особенно важны. Физіологическій анализъ органическихъ сопровожденій психическихъ фактовъ не простирается далеко даже въ предѣлахъ общей психологіи человѣка. Тѣмъ менѣе можно разсчитывать на него въ области спеціальной психологіи,— въ изученіи развитія культурнаго духа. «Физіологія, говоритъ Льюисъ, вполнѣ безсильна опредѣлить различіе въ строеніи и отправленіяхъ дикаго и цивилизованнаго чело-

вѣка той же расы», между тѣмъ какъ психологія, опирающаяся на данныя исторіи, «нисколько не затрудняется въ опредѣленіи замѣтной разницы въ духовной организаціи обоихъ». Не то это значитъ, чтобы не было соотвѣтственныхъ органическихъ измѣненій въ обоихъ случаяхъ; но «въ чемъ они состоятъ, этого мы не можемъ усмотрѣть». Ни одинъ анатомъ не можетъ надѣяться уловить различіе между рукой, совершающей самыя утонченныя и разнообразныя манипуляціи, и другой, не пріобрѣтшей ни одной изъ этихъ способностей.—Историческій анализъ психическихъ фактовъ даетъ, такимъ образомъ, психологіи то, чего она не можетъ получить ни отъ субъективнаго анализа ихъ, ни отъ физіологическаго и анатомическаго изученія ихъ органическихъ сопровожденій.

Изученіе человѣческаго духа изъ исторіи его культуры тѣсно сливается съ тѣмъ, что называютъ *сравнительною* психологіею человѣка. Важнѣйшимъ основаніемъ того и другой служитъ одна и таже наука, этнологія или этнографія. Въ спеціальныхъ пріемахъ изслѣдованія и во взаимномъ обмѣнѣ услугъ оба изученія постоянно соприкасаются другъ съ другомъ; но это не мѣшаетъ видѣть ихъ разницы. Предметъ, съ которымъ имѣетъ дѣло историко-культурное изученіе духа, — именно образованіе высшихъ психическихъ способностей человѣка,—есть спеціальный предметъ субъективнаго анализа, и вмѣстѣ съ послѣднимъ, не выходитъ изъ предѣловъ изслѣдованія *психическаго типа* человѣка *вообще*, отличнаго отъ всѣхъ другихъ типовъ животнаго царства. Такой общій психическій типъ человѣка, составляющій, повторяемъ, собственный предметъ историко-культурнаго изученія духа, для сравнительной психологіи человѣка, есть чистая абстракція. Психическая дѣйствительность сравнительной психологіи—не какой нибудь единый психическій типъ чело-

вѣка, а *множество* такихъ типовъ, наблюдаемыхъ во множествѣ расъ, народовъ, обществъ.

Сравнительная психологія человѣка, переводящая насъ въ міръ конкретной психической дѣйствительности, можетъ быть разбита на три главные отдѣла:

1. То что Д. С. Милль назвалъ *политическою этнологіею*, и что нѣмецкіе писатели называютъ *народною психологіею*, или *психологіею народовъ* (Völkerpsychologie). Это, прежде всего, психологія человѣческихъ *расъ*, которыя нельзя отожествлять съ народами,—такъ какъ народы суть произведенія политической исторіи и могутъ быть составлены или слиты изъ нѣсколькихъ расъ. Но, затѣмъ, это, конечно, и психологія народовъ. Соотвѣтственно широкому употребленію греческаго термина ἔθνος, въ словѣ этнографія, мы можемъ это изученіе назвать этнопсихологіею. Названіе Д. С. Милля, усвоенное и Бэномъ, характеризуетъ значеніе этой психологической науки для цѣлей наукъ политическихъ, или соціологіи.

2. Психологію *половъ* и *возрастовъ*. Изученіе психическаго типа женщины, въ отличіи отъ мужчины, и типа дитяти, въ отличіи отъ взрослаго человѣка, едва-ли можетъ быть сведено съ широкаго поля сравнительной психологіи расъ и народовъ,—если мы хотимъ достигнутъ основательнаго знанія этихъ типовъ. Гербертъ Спенсеръ считаетъ психологію половъ прямою главою сравнительнаго изученія психическихъ типовъ племенъ и народовъ.

3. Психологію *общественныхъ* типовъ, которые до сихъ поръ составляютъ собственно предметъ не науки, а искусства,—изящной литературы и художественной критики. Такая психологія имѣетъ дѣло съ многочисленными разновидностями культурнаго типа человѣка, измѣняющимися съ движеніемъ исторіи цивилизаціи каждаго народа. Изящная литература древнихъ грековъ и римлянъ, равно

какъ и богатая литература новыхъ народовъ, вмѣстѣ съ произведеніями другихъ изящныхъ искусствъ, даютъ для изученій этого рода неисчерпаемый матеріалъ.

Предметъ всѣхъ отдѣловъ сравнительной психологіи человѣка составляютъ различные психическіе типы его. Въ чемъ состоятъ эти разницы типовъ?—Типическія разницы психическихъ фактовъ существованія расъ, народовъ, половъ, возрастовъ и проч., суть тоже самое, что характеристическія черты этихъ фактовъ, или, короче, характеры расъ, половъ, и т. д. Подъ характеромъ весьма часто разумѣютъ только нравственный характеръ; но это не есть научное употребленіе термина. По опредѣленію Бэна, характеръ означаетъ *мѣру* или *пропорцію* развитія психическихъ способностей человѣка. «Люди, говоритъ онъ, вообще обладаютъ извѣстными впечатлительностями или способностями чувства, силами воли, и дарованіями мысли; но все это имѣетъ мѣру, и можетъ быть представлено неодинаково въ различныхъ лицахъ. Поэтому, нельзя описать удовлетворительно индивидуальный духъ, указавши только на то, что онъ причастенъ нашей общей духовной природѣ; надобно, кромѣ того, изобразить его съ точки зрѣнія пропорціи раскрытія главныхъ чувствъ, и т. д., общихъ человѣчеству. Всѣ мы подвержены страху; всѣ обладаемъ нѣжными чувствами; но одни въ большей, другіе въ меньшей степени». Эти разницы отдѣльныхъ людей составляютъ ихъ индивидуальный характеръ. Но индивидуальные характеры допускаютъ обобщенія, съ точки зрѣнія расы, народа, пола, и т. д. Эти обобщенія, представляющія характеры расъ, народовъ, половъ, и т. д., и даютъ тѣ общности, которыя составляютъ предметъ сравнительной психологіи человѣка, т. е. различные типы людей, составляющіе разновидности общаго типа человѣка, съ психической точки зрѣнія.

Изученіе того или другаго, частнаго психическаго типа слагается изъ тѣхъ же главныхъ частей, какъ и изученіе общаго типа человѣка. Оно обнимаетъ, во-первыхъ, сумму особенностей составляющихъ изучаемый характеръ расы, народа, и т. д.; во-вторыхъ, ихъ генезисъ или образованіе, съ точки зрѣнія субъективнаго анализа, и исторіи; и въ-третьихъ, законы ихъ образованія и обнаруженій. Особенности, сочетаніе которыхъ составляетъ частный психическій типъ, подводятся Бэномъ подъ три отдѣла: дѣятельности, чувства и ума. «Въ отдѣлѣ *дѣйствія*, говоритъ Бэнъ, мы имѣемъ такія важныя разницы, какъ лѣность, — общая или частная, — колебаніе энергіи, или постоянная твердость. Характеристическія черты *чувствительности* еще разнообразнѣе: здѣсь мы находимъ разницы въ раздражительности внѣшнихъ чувствъ, въ общительности, въ чувствахъ почтительности, гнѣва, эгоизма, и т. д. Особенности *ума* еще многочисленнѣе: общая даровитость, общая умственная слабость, способность къ языкамъ, къ наукѣ, къ искусству, къ практикѣ, и многія другія свойства, еще болѣе спеціальныя.»—Гербертъ Спенсеръ, отмѣчая подобнымъ же образомъ частныя стороны изученія психическаго характера или типа, какъ предметъ сравнительной психологіи, останавливаетъ еще вниманіе на самой комбинаціи ихъ, т. е. суммѣ психическихъ способностей въ составѣ извѣстнаго типа, называемой имъ «психическою массою» или «объемомъ» психическихъ силъ.

Что касается исторіи образованія частныхъ психическихъ типовъ, то здѣсь важны слѣдующіе замѣчанія. Исторія общественныхъ типовъ тѣсно связана съ исторіею цивилизаціи; исторія типа женщины и типа дитяти—съ исторіею психическихъ типовъ народовъ и расъ. Послѣдняя должна дать лѣстницу типовъ, представляющую по-

слѣдовательныя ступени высшаго психическаго развитія человѣка.

Что касается законовъ образованія частныхъ психическихъ типовъ, то они раздѣляются Бэномъ на первичные и вторичные. Къ первичнымъ относятся нѣкоторые общіе законы: субъективнаго анализа—какъ законъ ассоціаціи; біологіи — какъ законъ наслѣдственности, и физики — какъ законъ сохраненія силы. Ко вторичнымъ—законы вліянія, на образованіе характера или типа, частныхъ обстоятельствъ, къ которымъ Бэнъ относитъ слѣдующія: *физическія* качества людей, — сравнительную силу или слабость различныхъ физическихъ органовъ; физическій *образъ жизни*, во всемъ что относится къ пищѣ и заботамъ о здоровьи; физическую *среду*, въ которой помѣщенъ человѣкъ; различныя *профессіи*, или привычныя занятія; *общественную* среду; *воспитаніе*; степень индивидуальной свободы; наконецъ, общественныя учрежденія, законы, обычаи.

До сихъ поръ мы занимались исключительно психологіею человѣка; а теперь должны замѣтить, что ею далеко не исчерпывается вся область изученія психическихъ фактовъ. Въ полномъ изслѣдованіи послѣднихъ, психологія человѣка должна быть разрабатываема въ связи съ *психологіею животныхъ*.

Выше было замѣчено, что психическій типъ человѣка, для сравнительной психологіи послѣдняго, есть абстракція, и останется такою до тѣхъ поръ, пока мы будемъ изучать его отдѣльно отъ другихъ животныхъ. Необходимость изученія психологіи животныхъ, въ цѣляхъ разработки психологіи человѣка, признавалъ еще Аристотель: «въ настоящее время,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего трактата о душѣ,—тѣ которые пытаются глубже поставить вопросы этого рода, дѣлаютъ ошибку, останав-

ливаясь на душѣ одного человѣка: они слишкомъ съуживаютъ область изслѣдованія; необходимо придать ему болѣе широты». Въ новое время, философія Декарта, не признававшая души въ животныхъ, не благопріятствовала разработкѣ зоопсихологіи; не смотря на то, вслѣдствіе многихъ другихъ, болѣе счастливыхъ условій, въ прошломъ и текущемъ столѣтіяхъ изученіе души животныхъ сдѣлало замѣчательные успѣхи, особенно со временъ великой революціи въ естественныхъ наукахъ, произведенной Дарвиномъ.

Важнѣйшій вопросъ касательно разработки психологіи животныхъ, связанъ съ вопросомъ объ исходномъ пунктѣ всѣхъ психологическихъ работъ. Такимъ пунктомъ мы признаемъ субъективный анализъ духа; слѣдовательно, по самой природѣ послѣдняго анализа, психологію человѣка мы дѣлаемъ естественнымъ введеніемъ въ психологію животныхъ. Между тѣмъ нѣкоторые писатели высказывали противоположный взглядъ и повидимому опирались при этомъ на твердыя основанія. Психологія животныхъ, съ извѣстной точки зрѣнія, обнимаетъ и психологію человѣка, и можетъ быть, вмѣстѣ съ послѣднею, разсматриваема какъ одна и таже наука,—сравнительная психологія въ широкомъ смыслѣ этого слова. При этомъ кажется естественнымъ, чтобы эта наука начинала свои изученія не съ человѣка, а съ простѣйшихъ животныхъ, которыя могутъ имѣть простѣйшія формы психическаго существованія. Итти «отъ болѣе простаго къ болѣе сложному»: это—одно изъ главныхъ правилъ логики; и не удивительно, что многіе настаиваютъ на немъ, въ приложеніи къ разработкѣ психологіи. Но,—какъ основательно замѣтилъ Д. Г. Льюисъ, самъ, по его признанію, первоначально увлекавшійся этимъ методомъ,—попытки работы въ этомъ направленіи скоро убѣждаютъ въ ихъ несостоятельности,

и въ необходимости слѣдовать, въ психологіи, другому правилу логики, предписывающему итти «отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному;» — слѣдовательно, отъ психологіи человѣка—къ психологіи животныхъ. Основанія его заключаются въ слѣдующемъ. Мы никогда не поймемъ вѣрно психическихъ явленій, если изученіе ихъ начнемъ съ наблюденій надъ простѣйшими явленіями изъ жизни животныхъ. «Я нашелъ», говоритъ Льюисъ, «что (поступая такимъ образомъ) я постоянно впадалъ въ ошибки антропоморфическихъ объясненій. Оказалось невозможнымъ дать и приблизительныя истолкованія, прежде чѣмъ не будутъ установлены главныя черты человѣческихъ особенностей. Напр., наблюдая пчелъ за работой, мы видимъ, что онѣ не трогаютъ пчеловода, но жалятъ посторонняго, который мѣшаетъ имъ. Толкованіе наше таково, что онѣ *знаютъ* своего хозяина, и *сердятся*, когда имъ мѣшаютъ. Видя, что онѣ поступаютъ, какъ поступаемъ и мы при сходныхъ обстоятельствахъ, мы толкуемъ ихъ дѣйствія какъ свои собственныя; однако это очевидная ошибка. «Приписывать пчеламъ наше знаніе и наши душевныя волненія, значитъ говорить метафорами. Пчелы безъ сомнѣнія обладаютъ чувствительностью, но не такою какъ мы. «И если мы станемъ говорить о психическомъ волненіи пчелы, и будемъ называть его гнѣвомъ, это ничто иное какъ антропоморфизмъ. Разрѣжьте пчелу на-двое, ея задняя часть будетъ наносить такіе же сильные уколы какъ и прежде: значитъ ли это, говоритъ Льюисъ, что эта часть будетъ испытывать гнѣвъ?»

Спрашивается теперь: что же нужно для того, чтобы психологія животныхъ могла быть освобождена отъ недостатковъ антропоморфизма?—Въ условія этого Льюисъ ставитъ исполненіе слѣдующихъ трехъ правилъ:

Первое: надобно исключить изъ круга нашихъ изслѣдованій всѣ спеціальныя свойства человѣка, всѣ его высшія способности, и остановиться только на свойствахъ общихъ человѣку и животнымъ. — Но какъ достигнуть этого? — Средствомъ для такого исключенія должны служить результаты историко-культурнаго изученія человѣческаго духа. «Животное, говоритъ Льюисъ, не обладая рѣчью, не способно къ отвлеченному мышленію, и не можетъ обладать тѣмъ что называютъ разумомъ, точно такъ какъ безъ крыльевъ оно не можетъ летать».

Второе: способности общія человѣку и животнымъ слѣдуетъ всегда разсматривать не какъ *тожественныя*, а только какъ *сходныя* или *похожія*. Приводя слѣдующія слова Дарвина: «всѣ животныя испытываютъ *удивленіе*, и многія изъ нихъ выказываютъ *любопытство*», Льюисъ замѣчаетъ: «для насъ не ясно, насколько названныя чувства похожи на наши». «Что животныя разсуждаютъ, т. е. группируютъ опыты, составляютъ мнѣнія, выводы,—рѣдко оспаривается компетентными наблюдателями». Тѣмъ не менѣе, логическіе процессы ихъ мы должны признать «логикой чувства, а не логикой знаковъ».

Третье: мы должны допустить различные психическіе типы животныхъ. Требованіе это всего легче объяснить указаніемъ на предметъ сравнительной психологіи человѣка. Различные психическіе типы человѣка суть разновидности одного и того-же типа. Относительно животныхъ, психическій типъ человѣка, не смотря на всѣ разницы, есть одинъ и тотъ-же типъ. Между тѣмъ, относительно человѣка, нѣтъ единаго реальнаго психическаго типа животныхъ, а есть только множество различныхъ животныхъ типовъ. Типъ человѣка есть послѣднее звѣно въ длинной цѣпи животныхъ типовъ, изъ которыхъ каждый можетъ имѣть свои разновидности. Не отри-

цая у животныхъ основныхъ формъ чувствительности, психологъ, по ученію Льюиса, въ правѣ сомнѣваться, чтобы эти формы были у нихъ однѣ и тѣже. Зрѣніе моллюска не похоже на зрѣніе птицы. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно умственныхъ способностей. «Рыба чувствуетъ крючекъ и бросается назадъ; но избавившись отъ страданія, снова неоднократно возвращается къ приманкѣ, не смущаясь воспоминаніемъ объ испытанномъ ощущеніи и пораненіемъ рта. Насколько иначе дѣйствуетъ собака! Если она, пытаясь удовлетворить одной изъ своихъ потребностей, испытала боль, то она уже съ осторожностью подходитъ къ причинившему ее предмету, или можетъ и вполнѣ подавить свое желаніе, боясь возвращенія боли».

Такимъ образомъ, психологія животныхъ имѣетъ дѣло съ *низшими* психическими способностями, общими животнымъ и человѣку, но не *тожественными* у тѣхъ и другаго, и *различными* у различныхъ видовъ животныхъ.

Собственный предметъ сравнительнаго изученія животныхъ психическихъ типовъ,—не *качество* психическихъ способностей, а ихъ *количество*, т.е. ихъ сумма, объемъ, и интенсивность.

Спрашивается: чѣмъ можетъ быть гарантирована вѣрная постановка различія психическихъ типовъ животнаго царства? — Было время, когда изслѣдователи надѣялись достигнуть этого путемъ однихъ зоологическихъ наблюденій надъ внѣшними признаками психической жизни животныхъ,—т. е. ихъ ощущеній, памяти, воображенія, привязанностей, навыковъ, и т. д. Въ послѣднее время высказывается однако недовольство разультатами этого метода и надежда достигнуть болѣе строгихъ заключеній, соединеніемъ метода зоологическихъ наблюденій,—содержащаго въ себѣ значительную долю субъективности въ истолкованіи фактовъ животной жизни, — съ другимъ, чисто объективнымъ, методомъ сравнительной физіологіи, и

сравнительной анатоміи или *морфологіи*. Выдающимся защитникомъ этого синтеза двухъ методовъ въ разработкѣ зоопсихологіи является итальянскій ученый, Сициліани.

Сициліани совершенно раздѣляетъ точку зрѣнія Бэна на связь психическихъ и физіологическихъ явленій. Отрицая отношеніе превращенія однихъ въ другіе, Сициліани удерживаетъ взглядъ на ихъ корреляцію по закону эквиваленціи. Количественная равносильность психическихъ фактовъ ихъ физіологическимъ сопровожденіямъ и органамъ послѣднихъ, такъ много освѣщающая въ психологіи человѣка, должна пролить свой свѣтъ и на психологію животныхъ. Поэтому Сициліани ставитъ два «постулята» для объективной разработки послѣдней: во-первыхъ, основательное знаніе научно-установленныхъ результатовъ зоологическаго, или точнѣе, зоопсихологическаго наблюденія; и во-вторыхъ, знаніе законовъ сравнительной морфологіи вообще, и законовъ нервной системы въ частности.

Сициліани не останавливается на общихъ требованіяхъ приложенія сравнительной анатоміи, или морфологіи, къ изученію психическихъ типовъ животныхъ, но требуетъ изслѣдованія ихъ съ точки зрѣнія двухъ законовъ послѣдней: закона *гомологій* и закона *аналогій*. Психическія гомологіи соотвѣтствуютъ тому, что мы называли разновидностями одного и того-же психическаго типа. Но между разновидностями различныхъ психическихъ типовъ, есть свой параллелизмъ, свои аналогіи. Съ этой точки зрѣнія, естественная исторія развитія животныхъ психическихъ типовъ представляетъ не одинъ рядъ, не одну лѣстницу, на вершинѣ которой стоитъ человѣкъ, а нѣсколько такихъ лѣстницъ,—одну, наиболѣе длинную, съ человѣкомъ на вершинѣ, и множество болѣе короткихъ, приставленныхъ къ первой, въ видѣ ея развѣтвленій. Такой взглядъ на прогрессивное во многихъ направленіяхъ развитіе жи-

вотныхъ типовъ устраняетъ сразу массу недоразумѣній. «Сравнимъ», —говорилъ Сициліани, «для примѣра, послѣднюю группу позвоночныхъ, съ одною изъ высшихъ группъ безпозвоночныхъ: членистоногими (arthropoda). Съ морфологической точки зрѣнія, а именно, съ точки зрѣнія типическаго устройства нервной системы, низшія позвоночныя (рыбы костистыя, хрящевыя и до круглоротыхъ), безъ сомнѣнія имѣютъ верхъ надъ высшими безпозвоночными; но въ психическомъ отношеніи (съ точки зрѣнія ума, промысловъ, общественной жизни), членистыя весьма далеко оставляютъ за собою рыбъ».

Сравнительною психологіею животныхъ исчерпывается все несомнѣнное поле изученія психическихъ фактовъ. Нѣкоторые писатели говорятъ еще о душѣ растеній. Такъ какъ психическіе факты суть факты сознанія или чувства, то, очевидно, что, доказавши чувства у растеній, мы расширили-бы поле психическихъ изслѣдованій. Между тѣмъ, авторы, компетентные въ вопросахъ логики, сомнѣваются въ осуществимости такихъ доказательствъ. Какъ-бы то ни было, несомнѣнно то, что отношеніе между раздраженіемъ кожи животнаго, и рефлективнымъ движеніемъ, какое имъ вызывается, имѣетъ свою аналогію въ нѣкоторыхъ явленіяхъ растительной жизни, и, конечно, такія явленія всегда будутъ предметомъ интереса не только для ботаника или біолога, но и для психолога.

Изъ этого обозрѣнія задачъ и методовъ психологіи видно, какое центральное мѣсто она занимаетъ въ кругу другихъ наукъ, и почему къ ея разработкѣ привлекаются представители различныхъ спеціальностей со всѣхъ факультетовъ. Ни одна наука не способна такъ тѣсно связывать такую массу другихъ наукъ: психологія ихъ естественный центръ. Такое положеніе нашей науки ста-

нетъ еще очевиднѣе, если мы обратимся къ нѣкоторымъ изъ ея многочисленныхъ приложеній.

Первое мѣсто здѣсь принадлежитъ тѣмъ наукамъ, которыя всегда считались прикладною или практическою философіею, каковы: *Логика*, *Мораль*, *Философія Права*, *Эстетика*. Въ прежнее время опорою всѣхъ этихъ наукъ считалась *Метафизика*. Въ настоящее же, когда метафизика потеряла свое значеніе фундамента философіи, а сдѣлалась однимъ изъ ея послѣднихъ словъ, не претендующихъ на научную достовѣрность, единственная наука, способная занять ея мѣсто, есть психологія. Съ этимъ нынѣ согласно огромное большинство лучшихъ представителей философіи, (понимаемой не въ смыслѣ науки вообще, а въ смыслѣ особеннаго предмета каѳедры философіи). Правда, что въ настоящее время не много найдется изслѣдователей, которые бы вѣрили въ возможность разработки указанныхъ нами философскихъ доктринъ, безъ помощи изученія культуры человѣка, первобытной и исторической; но анализъ тѣхъ ея фактовъ, которые имѣютъ особенное значеніе для постановки началъ этихъ наукъ, зависитъ въ большей или меньшей степени отъ успѣховъ психологіи.

Второе мѣсто принадлежитъ *Педагогикѣ*. Чтобы оцѣнить всю важность психологіи для педагогики, припомнимъ то, что было нами сказано о связи духа и тѣла. Психическіе факты имѣютъ свою внутреннюю связь, какъ факты физіологическіе свою внѣшнюю связь; но тѣ и другіе факты, равно какъ и связи ихъ, находятся въ корреляціи, или неизмѣнномъ количественномъ соотвѣтствіи: по одному порядку фактовъ мы можемъ судить о другомъ. Ясно, что физическія измѣненія, производимыя въ нашемъ тѣлѣ внѣшними вліяніями матеріальнаго свойства, могутъ вызывать соотносительныя перемѣны въ нашемъ духѣ. Но ясно также и то, что всякое психическое измѣненіе, вызванное

внѣшнимъ вліяніемъ нематеріальнаго свойства, т. е. вліяніемъ психическимъ, должно имѣть своего представителя въ какомъ нибудь измѣненіи физическомъ,—какомъ нибудь состояніи нашего мозга и другихъ членовъ тѣла. Такое внѣшнее психическое вліяніе на какой нибудь индивидуальный духъ могло-бы выходить изъ среды общества. Но спрашивается: существуютъ-ли вліянія такого рода?—Такія вліянія несомнѣнно существуютъ и указываются всѣми перемѣнами въ нашихъ душевныхъ состояніяхъ, которыя вызываются въ насъ другими посредствомъ *знаковъ* или *символовъ*. Между этими знаками первое мѣсто принадлежитъ членораздѣльной рѣчи человѣка, а второе—всякаго рода письменамъ. Нѣсколько каракулекъ на бумагѣ способны перевернуть всѣ чувства человѣка, измѣнить его взгляды, вызвать въ немъ новыя рѣшенія. Эти вліянія—не физическія, а психическія, хотя и внѣшнія, т. е. психическія, при употребленіи такой ничтожной доли вліянія физическаго, съ какою послѣднее можетъ быть не принимаемо въ разсчетъ, при оцѣнкѣ первыхъ.

Спрашивается теперь: какъ далеко простираются внѣшнія психическія вліянія,—иначе вліянія общественной среды?—Лучшимъ отвѣтомъ на это служатъ факты воспитанія. Эти факты доказываютъ, что наслѣдственныя способности человѣка раскрываются настолько и такъ, насколько и какъ дозволяется это воспитаніемъ и общественною средою. «Организмъ Гёте,—говоритъ Льюисъ, въ общественной средѣ Карибовъ, далъ бы очень выдающагося Кариба, но не широко парящій умъ съ впечатлительною природой.» Факты воспитанія показываютъ болѣе того: во-первыхъ, пріобрѣтеніе совершенно новыхъ психическихъ способностей, которыя были чужды духу родителей и предковъ,—какъ это мы видимъ на такъ называемыхъ novi homines въ обществѣ,—подобныхъ Цицерону, Наполеону первому,

и т. д.; и во-вторыхъ, ослабленіе и подавленіе нѣкоторыхъ наслѣдственныхъ свойствъ, примѣры котораго весьма не рѣдки въ практикѣ воспитателей.

Эти-то факты и составляютъ основанія педагогики. Педагогика, или искусство воспитанія, имѣетъ своею задачею указать средства желательнаго въ семействѣ, обществѣ или государствѣ, воспитанія психическихъ силъ человѣка, т. е. раскрытія однѣхъ, пріобрѣтенія другихъ, и преобразованія или подавленія третьихъ. Очевидно, что это искусство, которое еще до сихъ поръ отличается полнымъ эмпиризмомъ, опираясь на отрывочные и часто сомнительные опыты воспитанія, — приметъ совершенно другой характеръ, съ разработкою психологіи. Для педагогики психологія имѣетъ тоже значеніе, что физіологія и анатомія для медицины.

Наконецъ, мы не должны оставить безъ вниманія и наукъ политическихъ или общественныхъ, въ смыслѣ теоріи, и въ смыслѣ практики. Лучшіе авторитеты согласны съ тѣмъ, что психологія составляетъ важное пособіе для изученія исторіи цивилизаціи общества для теоріи общества и для практической политики. Мы уже замѣчали, что исторія культуры общества и историко-культурное изученіе человѣческаго духа или личности, отдѣляются другъ отъ друга только по преслѣдуемымъ ими цѣлямъ, но не отдѣлимы по тѣмъ взаимнымъ услугамъ, какія требуются отъ каждой изъ нихъ для успѣховъ другой. Относительно теоріи общества Бэнъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Теорія общества,—говоритъ онъ,—состоитъ въ установленіи того, какимъ образомъ люди будутъ дѣйствовать при какомъ нибудь данномъ правительствѣ: она есть, слѣдовательно, прямое приложеніе законовъ духа и характера. Поэтому точное знаніе всего того, чему учитъ психологія, будетъ необходимою подготовкою къ этому

изученію». Особенное значеніе для этой цѣли Бэнъ придаетъ той части сравнительной психологіи, которую онъ, подобно Миллю, называетъ политическою этологіею, т. е. ученію о характерѣ расъ и народовъ. Гербертъ Спенсеръ видитъ въ психологіи важное знаніе для практической политики. Изученіе психологіи, по его мнѣнію, «поведетъ къ здравой оцѣнкѣ даже косвенныхъ и отдаленныхъ вліяній учрежденій на индивидуальный характеръ, и послужитъ нѣкоторою преградою для важныхъ бѣдствій, причиняемыхъ невѣжественнымъ законодательствомъ».

Въ виду услугъ, какія психологія можетъ оказать другимъ наукамъ и искусствамъ, наше Психологическое Общество поставило своею задачею разработку психологіи не только въ ея составѣ, но и въ ея приложеніяхъ къ логикѣ, морали, праву, эстетикѣ, педагогикѣ и т. д.

Вступая на путь психологическихъ изслѣдованій, наше Общество найдетъ его проторенным во всѣхъ направленіяхъ. Поэтому, первымъ долгомъ его должно быть ознакомленіе со всѣмъ тѣмъ, что уже сдѣлано и дѣлается нашими предшественниками на поприщѣ психологическаго труда,—особенно въ Англіи, Франціи, Германіи и Италіи.

Русское психологическое общество не найдетъ у себя дома большой психологической литературы; но за то не найдетъ также массы тѣхъ закоренѣлыхъ ложныхъ направленій въ разработкѣ нашей науки, которыя такъ тормозятъ ея успѣхи въ упомянутыхъ нами странахъ. Воспользуемся же выгодами своего положенія и, распространяя въ новыхъ поколѣніяхъ широкій взглядъ на задачи психологіи, и вѣрное пониманіе ея методовъ, положимъ начало такимъ успѣхамъ ея въ Россіи, которые бы въ состояніи были убѣдить всякаго, что психологія есть единственная наука, способная оказать тѣ услуги, какихъ ожидаютъ отъ теоретической философіи.

М. М. Троицкій.

БИБЛІОТЕКА